

А.А. Котляревский

История русской жизни с древнейших времен

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Котляревский**
История русской жизни с древнейших времен: Том 1-2 / А.А. Котляревский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 70 с.

ISBN 978-5-4241-7773-6

История русской жизни с древнейших времен, сочинение И. Е. Забелина, том 1-2, М. 1876-79. Критическая оценка.

ISBN 978-5-4241-7773-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

дахъ („Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ,“ 2 т.; „Опыты изученія русскихъ древностей и исторій,“ 2 т. и проч.).

Главный матеріалъ, которымъ по мысли г. Забѣлина можетъ быть оживлена русская доисторическая древность—это „Древности могилъ или кургановъ.“ „Разсыпанныя по нашей землѣ, могилы, по его мнѣнію, „скрываютъ въ себѣ истинную, настоящую колыбель нашей народной „жизни.“ Но, высказавъ такую мысль—авторъ немедленно ограничиваетъ практическое ея примѣненіе: „эти памятники—продолжаетъ онъ „такъ разнообразны и разнородны и относятся къ столькимъ вѣкамъ „и племенамъ, что сколько нибудь разсудительная обработка ихъ не „можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены „въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства объ этихъ же са- „мыхъ курганахъ, т. е. о той глубокой древности, когда эти курганы „еще только сооружались. Какимъ образомъ мы станемъ объяснять „курганныя древности, когда вовсе не знаемъ, или знаемъ очень по- „верхностно и невѣрно письменную исторію нашей колыбели? Есте- „ственное дѣло, что прежде всего необходимо выслушать всѣ разска- „зы, какія оставили намъ о нашей колыбели античныя Греки и писа- „тели Римскаго и Византійскаго вѣка. Это—заключаетъ авторъ—от- „кроетъ намъ глаза, способные съ большимъ вниманіемъ видѣть и цѣ- „нить нѣмыя памятники нашей колыбели; это же откроетъ новыя двери „и къ разьясненію не только древнѣйшей нашей исторіи, но и мно- „гихъ позднихъ ея явленій и обстоятельствъ.“ Посему и въ дальнѣй- шемъ изложеніи „Исторія русской жизни“ нашъ авторъ воспользо- вался этимъ новымъ матерьяломъ „нѣмыхъ памятниковъ“ только по отношенію къ такъ называемымъ „скиѣскимъ“ и „мерянскимъ могиламъ.“ Матерьялъ могилъ инаго происхожденія, варварскихъ, славянскихъ и русскихъ или, пока—оставленъ безъ всякаго употребленія.... Думаемъ —напрасно, и къ ущербу интересовъ исторической науки! Остановимся нѣсколько подробнѣе на семъ любопытномъ и важномъ предметѣ. Если употребленію матерьяла могилъ въ смыслѣ историческаго источника препятствуетъ отсутствіе собранія и свода свидѣтельствъ древнихъ писателей о судьбахъ русской земли и насельниковъ ея,—то такую помѣху можно было бы назвать почти что несуществующею, ибо та- кая работа въ главныхъ частяхъ уже исполнена: старыя, но все еще многополезныя сборники графа Яна Потоцкаго, Стриттера; труды Неймана, Укерта, Гавзена, Эйхвальда, Доммериха, Вивьена Санъ-Мар-

тена, Дифенбаха, Куно, Бреннера, Френа, Шармуа, Дефрэмри и Гаркави ²⁾—исчерпываютъ предметъ если и не до послѣдней іоты въ мелочахъ, то въ главномъ—съ полнотою и обстоятельностью.... Иное дѣло критика и экзегезъ сихъ свидѣтельствъ: имъ, конечно—открыто еще обширное поле; но вѣдь, такая работа никогда не окончится.... Гораздо важнѣе неопредѣленность характера самихъ вещественныхъ памятниковъ, отсутствіе въ нихъ этнографическихъ и хронологическихъ помѣтъ: эти обстоятельства, дѣйствительно, препятствуютъ точному и рѣшительному употребленію могильныхъ древностей въ смыслѣ историческаго источника, но пользованіе послѣднимъ

²⁾ С. J. P o t o c k i: Chroniques, Mémoires et Recherches pour servir a l'histoire de tous les peuples slaves.... Vars. 1793; Ег о-ж е: Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves.... Br. 1796, 4 vol.; S t r i t t e r: Memoriae populorum etc.... Spb. 4 т. (Slavica помѣщ. во II т. 1774); русское извлечение (Свѣтова): „Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію и т. д. Спб. 1870—65, 4 ч., N e u m a n n: Die Völker des südlichen Russlands, L. 1855; U k e r t: Skythien und das Land der Geten oder Daker (III, 2. Ab. d. Geogr.) W. 1846; H a n s e n: Ost-Europa nach Herodot, D. 1844; E i c h w a l d: Alte Geographie des Kaspischen Meeres, des Kaukasus und des südlichen Russlands, B. 1838; D o m m e r i c h: Die Nachrichten Strabo's über die zum.... deutschen Bunde gehörenden Länder, Mar. 1848; V i v i e n t d e S a i n t - M a r t i n: Études de Géographie ancienne et d'ethnographie asiatique. P. 1850—2, 2 v., D i e f e n b a c h: Origines Europaeae. Die alten Völker Europas, D. 1861; C u n o: Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde, B. 1871; B r e n n e r: Nord und Mitteleuropa in den Schriften der Alten, M. 1877; F r ä h n: Ibn—Foszlan's und anderer Araber Berichte über die Russen' Spb. 1823; C h a r m o y: Relation de Masoudy et d'autres auteurs Musulmans sur les anciens Slaves (Mem. d. L'Ar. VI s. II, p. 297 sq.); D e f r é m e r y: Fragments de Géographes et d'historiens arabes et persans inédits relatifs aux anciens peuples de Caucase et de la Russie méridionale P. 1849; Г а р к а в и: Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, Спб. 1870 и нѣкоторые частные труды г. Хвольсона, Куника и др.

въ смыслѣ вспомогательнаго пособія вполнѣ возможно и законно. Далѣе. Нельзя, конечно, отрицать важности письменныхъ свидѣтельствъ для разбора могильныхъ древностей, но ставить обработку послѣднихъ въ полную зависимость отъ первыхъ, такъ, что будто бы она „не можетъ и начаться до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и сведены въ одно цѣлое именно письменныя свидѣтельства о той глубокой древности, когда эти курганы еще только сооружались“—будетъ преувеличеніемъ: классификаціи матерьяла могилъ и сравнительныя разысканія о немъ можно производить и помимо этого.... Покрайней мѣрѣ—для разбора и объясненія могилъ историческія свидѣтельства столь же важны, какъ и наоборотъ,—могилы—для объясненія историческихъ свидѣтельствъ.... Словомъ изслѣдованіе того и другаго можетъ и должно идти одновременно.

Способъ изложенія автора общедоступный. По его собственному заявленію онъ, не имѣлъ ни силъ, ни возможности входить въ особыя ученныя изслѣдованія по спеціальнымъ вопросамъ предмета, а въ краткихъ очеркахъ стремился только обозначить наиболѣе существенныя стороны русской жизни, главнѣйшіе корни и истоки русскаго развитія, политическаго общественнаго и домашняго, въ его существенныхъ формахъ и направленіяхъ, съ раскрытіемъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и бытовыхъ порядковъ. Потому всѣ частныя изслѣдованія автора по различнымъ историческимъ вопросамъ—не видны, онъ предзагаетъ только результаты ихъ въ видѣ догматическаго изложенія, почти всегда обнаженнаго отъ ученыхъ оправдательныхъ статей и ссылокъ, а нерѣдко даже и вообще отъ доказательствъ.

Въ какомъ отношеніи стоитъ трудъ г. Забѣлина въ трудамъ предшествовавшимъ—опредѣлится въ послѣдствіи; но здѣсь, въ предупрежденіе и ослабленіе, быть можетъ, излишне строгихъ въ этомъ смыслѣ требованій, я нахожу нужнымъ указать на другое, скромное—заявленіе автора, что въ области „до историческихъ изслѣдованій авторъ неуспѣлъ, да и не могъ воспользоваться многимъ, что даже прямо относилось къ его задачамъ.“

Первый томъ труда г. Забѣлина раздѣляется на пять отдѣловъ, и сверхъ этого—заключаетъ въ себѣ нѣсколько „Приложеній.“ Я разсмотрю каждую статью особо.

Первая глава разсматриваетъ „Природу русской страны“ и

ея вліянiя на бытъ насельниковъ. Сначала авторъ излагаетъ полуутопическія, полудѣйствительныя понятiя о ней Древнихъ, указываетъ на физическое отличіе ея отъ прочей Европы и происходящiя отсюда отличiя въ образѣ жизни обитателей ихъ, дѣлаетъ характеристику равниннаго ландшафта или „русскаго вида,“ его такъ сказать образовательнаго или воспитательнаго вліянiя на чувство и направленіе дѣятельности народа, говоритъ о подобномъ же дѣйстви мороза, вліянiи лѣсной и полевой природы на бытъ человѣка, отчего возникли особыя формы соціальной жизни и особый характеръ нѣкоторыхъ племенъ; наконецъ,—изображаетъ пути—дороги, связывавшія русскую территорию съ инородными странами и части ея между собою, причемъ распространяется объ историческихъ слѣдствiяхъ сихъ связей.

Попытки опредѣлить природный, естественно-историческій элементъ русской исторической жизни, т. е. ту сторону ея и тѣ начала, которыя произошли отъ вліянiя природныхъ условій—въ русской наукѣ уже существуютъ, но онѣ имѣютъ если не случайный, то какой-то отрывочный, неполный характеръ: нѣкоторыя стороны вліянiя природы и ея условій на исторію указаны и объяснены—и иногда очень мѣтко; другія только намѣчены, но полного, обнимающаго предметъ со всѣхъ сторонъ изслѣдованiя, пока—нѣтъ. Не могутъ имѣть, конечно, притязанiя на такую полноту изложенiя предмета—и спеціально посвященныя ему страницы книги г. Забѣлина; но это обстоятельство не умаляетъ ни интереса, ни значенiя ихъ: къ запасу наблюденій, сдѣланныхъ уже прежде историками и географами нашъ авторъ съумѣлъ прибавить столь много новыхъ, если такъ обр. можно выразиться „созерцаній,“ съумѣлъ взглянуть на предметъ съ такой живой, ниѣмъ изъ изъ историковъ дотолѣ не тронутой, интуитивно поэтической стороны и въ тоже время удержаться въ предѣлахъ трезваго ученаго изложенiя, что я колеблюсь отнести эту главу книги его къ числу замѣчательнѣйшихъ страницъ современной русской литературы, какъ въ чисто литературномъ, такъ и въ научномъ отношенiи. Мѣткость наблюденій и живость образовъ въ полной мѣрѣ вознаграждаютъ за отсутствіе фактическихъ подробностей. Я буду еще имѣть случай указать на то, чѣмъ на мой взглядъ—слѣдовало бы пополнить эти превосходныя, но нѣсколько отрывочныя страницы; теперь же предложу нѣкоторыя замѣчанiя на отдѣльныя мѣста книги.

Идеализація Гипербореевъ, ихъ образа жизни и нравовъ, какую

находимъ мы у многихъ классическихъ писателей; философовъ, ораторовъ, поэтовъ и т. д.—вызвала со стороны автора лишь нѣсколько строкъ, имѣющихъ характеръ „общаго мѣста.“ А между тѣмъ, это—одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ русской историко-этнографической науки: идеальныя картины быта и нравовъ Гипербореевъ, въ особенности „чистоты и справедливости“ ихъ жизни—въ произведеніяхъ греческихъ и римскихъ писателей содержитъ въ себѣ ключъ къ разгадкѣ и къ правильному пониманію многихъ свѣдѣній древности о странахъ, лежавшихъ къ сѣверу отъ Чернаго моря; ибо только принявъ къ свѣдѣнію эту идеализацію, наука будетъ въ состояніи отдѣлить „поэзію“ отъ „дѣйствительности“ не только въ историко-этнографическихъ свѣдѣніяхъ древности, но и въ гораздо болѣе позднѣйшихъ извѣстіяхъ среднихъ вѣковъ, унаслѣдовавшихъ столь многое отъ классической старины. Указываю на это обстоятельство не въ упрекъ труду г. Забѣлина, который для своей цѣли могъ ограничиться общимъ отзывомъ, а только по поводу его, и не могу не высказать желанія, чтобы этотъ интересный предметъ нашелъ себѣ обстоятельнаго изслѣдователя. Начало такого труда сдѣлано еще Укертомъ въ его „*Skythien und das Land der Geten*“, а недавно Riese представилъ цѣлый обстоятельный мемуаръ объ этомъ предметѣ подъ заглавіемъ: „*Die Idealisierung der Naturvölker der Nordens in der griechischen und römischen Literatur*“, Heid. 1875. Здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ разсмотрѣны представленія о сѣверныхъ обитателяхъ, находящіяся въ гомерическихъ поемахъ, у Гезіода, Есхила, Пиндара, Гелланика, Геродота, Ктезія, Еѳора, Анеипата, Посидонія, такъ назв. Скимноса, Саллустія, Горація, Вергилія, Юстина, Страбона, Помп. Мелы, Лукана, Сенеки, Тацита.

Ничего не утратило, а скорѣе выиграло бы въ научномъ достоинствѣ—изложеніе автора, если-бы онъ не увлекся искушеніями „гадательныхъ этимологій.“ Конечно, большой бѣды еще нѣтъ, когда онъ приводитъ старое объясненіе греческаго *Βορυσθένης* славянской Березиной; но когда онъ говоритъ, что имя Ростовъ показываетъ большое родство съ Днѣпровскою Росью и ея притокомъ Ростовицей, когда отсюда заключаетъ, что самое имя Рось, Росса въ древнее время тоже произносилось какъ Ростъ, когда поэтому допускаетъ законность предположенія, что Ростовъ Приволжскій получилъ еще начало въ то время, когда по всей (!?) нашей странѣ господствовало имя Ровсоланъ, которые, если хаживали на самихъ Римлянъ за Дунай, то очень

могли ходить и на Сѣверъ къ Ростовской Волгѣ,—тогда „этимологи- зированье“ становится не безъопаснымъ, ибо за нимъ, какъ слѣдствіе, въ науку вносится рядъ призранныхъ или просто небывалыхъ данныхъ. Далѣе я уважу еще нѣсколько подобныхъ, а отчасти и горшихъ при- мѣровъ „этимологическаго“ увлеченія автора.

Къ необоснованнымъ и недоказаннымъ утвержденіямъ автора при- надлежитъ и то, что подъ именемъ „бродниковъ“ нашихъ лѣтописей —онъ разумѣетъ особую дружину удалцевъ, не принадлежавшихъ ни къ земледѣльцамъ, ни къ кочевникамъ, а составлявшихъ особый на- родъ, даже безъ названія (19—20). Какъ догадка—мнѣніе оригинально и остроумно, но доказать его, пока—нечѣмъ. Совсѣмъ должно быть отвергнуто мнѣніе автора, что въ существѣ природы южнаго чело- вѣка нѣтъ быстрого соображенія и пониманія, а преобладаетъ непо- воротливость, медлительность не только въ поступкахъ и дѣйствіяхъ, но даже въ мысляхъ и понятіяхъ. Мнѣ сдается, что, не говоря о всемъ прочемъ—одно простое припоминаніе характера и движенія событій кіевскаго періода русской исторіи—могло бы удержать автора отъ та- кого внѣшняго—и, нескрою, страннаго заключенія. Наружность часто об- манчива, и дѣлать по ней заключенія о народномъ характерѣ—нельзя, или не должно—безъ справокъ съ исторіей, бытомъ и плодами умствен- ной и нравственной дѣятельности народа. Если житель русскаго Юга, подъ вліяніемъ „мягкой, доброй и нѣжной природы“ впадалъ въ апатію, умственную и физическую неповоротливость, то что же, кромѣ полной нравственной и физической распущенности и марасма должно было бы ожидать и встрѣтить у тѣхъ народовъ, гдѣ природа несравненно болѣе „мягка, добра и нѣжна,“ какъ природа Европей- скаго Юга: Греціи и Италіи?! И, однако..

Вторая глава посвящена разсмотрѣнію стараго вопроса „о происхожденіи русскаго имени.“ Сначала излагается исторія вопроса, пересматриваются мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ „славянской школы,“ потомъ очень пространно—мнѣніе „школы норманнской“: Байера, Миллера, Шлецера и другихъ вѣмецкихъ и русскихъ послѣдователей ихъ. Рѣзкими чертами опредѣляетъ авторъ общее направленіе трудовъ „Норманистовъ“: по его мнѣнію они представляютъ основныя начала русской исторіи и историческія свойства русской народности лишь въ одномъ отрицательномъ смыслѣ: норманнская теорія „отрицаетъ вся- кое значеніе для древнѣйшей русской исторіи свидѣтельство грече-

„свой и римской древности;—отрицаетъ старобытность русскаго племени и имени;—отрицаетъ варяжество балтійскихъ Славянъ, т. е. отрицаетъ у нихъ всѣ тѣ народныя свойства и качества, которыя принадлежатъ имъ, какъ предприимчивымъ и воинственнымъ, наравнѣ съ Скандинавами,—отрицаетъ у старобытнаго русскаго Славянства предпримчивость торговую, мореплавательную, воинственную и т. д.,—отрицаетъ всѣ тѣ простыя и естественныя качества народной жизни, которыя создаются самою природою страны, создаются простыми естественными условіями мѣстожителства.“ Наконецъ—по словамъ автора—самыя даже фантазмагоріи нѣмецкаго ученія о скандинавствѣ Руси наполняются взглядами и мечтами только о совершенномъ историческомъ ничтожествѣ русскаго племени, наполняются одними только отрицаніями его обыкновенной природы, человѣческой и исторической и все только для того, чтобы поставить на видномъ мѣстѣ въ началѣ нашей исторіи—однихъ Норманновъ.“ Вся первая половина этой главы труда г. Забѣлина есть не иное что, какъ полемическій комментарий, доказывающій и развивающій вышеприведенныя общія положенія. Вторая половина ея—представляетъ уже „рѣшеніе“ вопроса, которое авторъ выдаетъ только за „правдоподобное вѣроятіе“: Варяги первоначальной лѣтописи—суть, по его мнѣнію—балтійскіе Славяне, Варяги же Русь были древніе Руги, получившіе имя отъ острова Ругена, въ смыслѣ Руга-Рога Славянской прибалтійской земли. Очевидно—это есть возобновленіе старой, поморско-балтійской теоріи происхожденія Руси, въ первый разъ, если не ошибаемся—развитой В. К. Тредьяковскимъ въ его „Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ Россійскихъ“, Спб. 1773, стр. 198—275 („Разсужденіе о Варягахъ Русскихъ, славянскаго званія, рода и языка“). И замѣчательно, что г. Забѣлинъ сходится съ Тредьяковскимъ не только въ окончательныхъ заключеніяхъ, что Варяги—Русы были „Руги померанскіихъ, а всеобщимъ именемъ Славяне“, что Варяги „есть имя глагольное, происходящее отъ Славянскаго глагола варяю, значащаго предваряю“, т. е. предврители; но и вообще въ патристическомъ воодушевленіи изыскательности.

Остановливаясь на оцѣнкѣ этой главы сочиненія, не могу напередъ не высказать, что желаніе разрѣшить варяжскій вопросъ вполне умѣстно въ трудѣ, посвященномъ исторіи русской жизни, что нѣкоторыя мысли, историческія догадки и утвержденія автора заслуживаютъ

полнаго вниманія и признанія со стороны науки, что наконецъ—многія изъ указанныхъ ими излишествъ и увлеченій норманнской теоріи указаны вѣрно; но все же многія причины не позволяютъ признать варяжскую главу изслѣдованій автора вполне удовлетворительною. Даже не требуя отъ автора болѣе того, что онъ самъ дать желаетъ („Вовсе не обладая необходимою ученостію—говорить авторъ для разслѣдованія этого вопроса со стороны подлинныхъ свидѣтельствъ и всякаго рода непосредственныхъ источниковъ, мы по самой задачѣ нашего труда можемъ только представить общій, наиболѣе для насъ вѣроятный выводъ изъ всего того, что въ разное время было говорено объ этомъ предметѣ въ русской исторической изслѣдовательности“ стр. 43—4), нельзя не признать, что первая половина его изслѣдованія (стр. 37—132) гораздо болѣе приближается къ историческому манифесту, чѣмъ къ спокойному изложенію историческаго изслѣдованія: патріотически полемическое направленіе высказывается чуть ли не на каждой страницѣ, и нельзя сказать, чтобы вездѣ на пользу, а не во вредъ исторической истинѣ и справедливости, къ достоинству, а не къ недостаткамъ сочиненія. Тотъ, кто составитъ себѣ понятіе объ историческихъ трудахъ норманнской школы только по характеристикамъ г. Забѣлина, —составитъ себѣ о нихъ въ значительной степени пристрастное и не справедливое понятіе, и придетъ, пожалуй, къ убѣжденію, что всѣ ихъ заслуги сводятся къ большей или меньшей степени вреда для русской науки. Нельзя полагать, чтобы таковы были убѣжденія столь опытнаго знатока русской исторіи, какъ г. Забѣлинъ, но въ немъ невольно приводитъ его патріотическая полемика. Споры нѣтъ, что нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи могли исходить отъ пристрастной и нелѣпой мысли о ничтожествѣ русскаго бытія; но неподлежитъ сомнѣнію, что большинство изъ нихъ разсматривало варяжскій вопросъ только съ точки зрѣнія науки и ея интересовъ, безъ заднихъ мыслей „отрицанія,“ безъ презрительнаго недовѣрія къ русской народности, а многіе даже съ положительнымъ убѣжденіемъ въ ея силу и историческое достоинство. Вообще говоря, устранивъ изъ норманнской теоріи два три задорныя и нелѣпыя заключенія Шлецера, нынѣ никѣмъ не раздѣляемыя, и крайнія увлеченія пок. Погодина (а онъ ли сомнѣвался въ духовныхъ силахъ русской народности?!), она не представитъ ничего предосудительнаго, развѣ только въ чисто ученомъ отношеніи. Но ученая полемика идетъ иной дорогой, чѣмъ та, по которой ведетъ ее

нашъ авторъ и дѣйствуетъ инымъ образомъ. Рецензентъ самъ не принадлежитъ къ послѣдователямъ, а тѣмъ менѣе къ поклонникамъ—норманнской теории происхожденія Руси, онъ склоняется гораздо болѣе къ нѣкоторымъ изъ мыслей, выраженныхъ и доказываемыхъ г. Забѣлинымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ не выразить, что историческій патріотизмъ усматриваетъ въ этой теории такія козни и прегрѣшенія, въ какихъ она неповинна, особенно когда берется выводить изъ ея положеній соціальныя заключенія; что можно признавать за истину положеніе о призывѣ и выходѣ Руси изъ Скандинавіи, вовсе не отрицая и не сомнѣваясь въ достоинствахъ собственной своей природы. Иначе, что же выйдетъ? Если на каждомъ, кто по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію придетъ къ убѣжденію въ исторической истинѣ „Скандинавства“ Руси и Варяговъ—будетъ тяготѣть укоризна въ отрицаніи достоинства русской природы, то въ какомъ положеніи окажется свобода изслѣдованія и науки?! На стр. 55—56 авторъ мимоходомъ дѣлаетъ замѣчанія о неточности исторической науки и невозможности устранить изъ нея странный элементъ патріотическихъ или субъективныхъ идей и побужденій. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, будто бы сіе не только существуетъ, какъ физическая необходимость, но и существовать должно, какъ необходимость нравственная и законная.... Много правды въ его словахъ; но съ другой стороны—отымите у изслѣдователя—историка стремленіе къ правдѣ и истинѣ, дайте ему признать и сознать страстныя идеи и побужденія за неизбежную роковую необходимость, освободитесь отъ которой не властенъ, пусть онъ убѣдится въ невозможности добыть истину, пусть покорно, безъ внутренняго протеста, сознательно онъ откажется отъ стремленія къ ней и послѣдуетъ по пути страстныхъ созерцаній, сужденій и взглядовъ, какъ пути единственно возможному и вѣрному—и исторія въ смыслѣ науки или знанія—погибнетъ: она превратится въ историческое средство къ достиженію разнородныхъ цѣлей и стремленій современности, станетъ по малой мѣрѣ манифестомъ публициста. Что г. Забѣлинъ не вездѣ въ мѣру устоялъ противъ побужденій страстнаго начала по отношенію къ норманнской школѣ, это ясно изъ того, что онъ относится къ ней болѣе, какъ обличитель ея неправды, чѣмъ какъ спокойный изслѣдователь исторіи, потому и медлитъ иногда на такихъ подробностяхъ, которыя для историка русской жизни не представляютъ никакого интереса и вообще мало относятся къ дѣлу. Та-

ково напр. длинное разбирательство судебно—исторического дѣла о Миллеровой варяжской диссертации (65—88 стр.). Думаю также, что и упреки нѣкоторымъ утверждениями ученыхъ норманистовъ основаны на недоразумѣніяхъ увлеченія и, при болѣе спокойномъ отношеніи къ дѣлу—устраились бы вовсе или покрайней мѣрѣ высказались бы въ иной, болѣе признающей формѣ, таковы напр. возраженія автора одному изъ ученыхъ норманистовъ о значеніи лингвистической и этнологической критики въ рѣшеніи варяжскаго вопроса (стр. 45, 122 сл. 193).

Другая половина статьи г. Забѣдина о „варяжскомъ вопросѣ“ представляетъ собою не только общій, наиболѣе вѣроятный, выводъ изъ всего того, что въ разное время было говорено объ этомъ предметѣ учеными „Славянской школы;“ но и во многихъ отношеніяхъ принадлежащія лично автору самостоятельныя дополненія и развитіе ученій этой школы. Самымъ замѣтнымъ дополненіемъ въ этомъ отношеніи является небольшой сборникъ мѣстныхъ именъ балтійскихъ Славянъ, извлеченныхъ, впрочемъ не изъ первоисточниковъ, какъ грамоты и анналы, а изъ позднѣйшихъ географическихъ и космографическихъ сочиненій. Авторъ слѣдитъ двойники этихъ наименованій на русской почвѣ, онъ видитъ въ нихъ доказательство славянской варяго-русской колонизаціи на Руси. Къ сожалѣнію—любопытное собраніе автора не имѣетъ надлежащей обработки, а этимологическія сближенія и объясненія основаны на внѣшнемъ созвучіи, почему въ число славянскихъ именъ попали многія завѣдомо нѣмецкія и литовскія таковы напр. Rosengard, Rosenfeld, Rosenhagen, Ragnit и множество другихъ— все это будто отъ корня Рус; Руг, Рог?! Этимологія—Ахиллова пята нашего автора, а съ нимъ и всей славянской школы, по крайней мѣрѣ—въ отношеніи варяжскаго вопроса. Трудно понять, какими правилами, какою лингвистикой руководятся послѣдователи этой школы въ своихъ этимологическихъ сравненіяхъ и изъясненіяхъ; но навѣрое можно сказать, что ихъ методъ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, который признанъ и установленъ наукою Сравнительнаго Языкознанія. Норманисты счумѣли усвоить себѣ этотъ методъ, и если въ этимологическихъ толкованіяхъ ихъ мы находимъ не мало ложнаго и натянутого, то это слѣдано вопреки метода: это личные ошибки изслѣдователей. Наоборотъ, когда въ этимологическихъ сравненіяхъ послѣдователей славянской школы мы встрѣчаемъ вѣрныя сближенія и объясне-